

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-226-229

© Н. В. Савельева

ФРОЛ СКОБЕЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

В литературном наследии русского Средневековья и раннего Петровского времени имеется целый ряд необычных памятников, загадку которых ученые пытаются разгадать со дня их открытия и до нынешних времен. Так случилось с «Гисторией о росейском новгородском дворянине Фроле Скобееве и столнической дочери столника Нардина-Нащокина Аннушке» — рассказе о ловком пройдохе и выскочке, обманом женившем на себе дочь стольника и разбогатевшем, текст которого обнаружил в одном из рукописных сборников XVIII века И. Д. Беляев, разбирая в 1852 году архив М. П. Погодина. Вопросами датировки и литературной истории памятника, проблемами его поэтики и типологии, выявлением исторических прототипов и реалий, отраженных в тексте, занимались исследователи нескольких поколений. Историография памятника, получившего в научной традиции название «Повесть о Фроле Скобееве», обширна, многообразна и представительна; к тексту обращались замечательные ученые XIX–XX веков (Ф. И. Буславев, И. Е. Забелин, В. В. Сиповский, А. Н. Веселовский, М. О. Скрипиль, М. Н. Сперанский и др.) и современные исследователи, в числе которых достаточно назвать имена выдающихся филологов Ю. М. Лютмана и А. М. Панченко. Автору вновь вышедшей книги, несомненно, нужна была определенная отвага, чтобы сделать предметом своего научного интереса этот неординарный памятник литературы и суметь сказать о нем что-то новое, не отмеченное ранее. Е. В. Душечкина решилась на такой шаг еще тогда, когда впервые попыталась собрать свои накопленные материалы по анализу повести в учебных пособиях для студентов,¹ и полностью воплотила свой замысел в издании 2018 года. Книга Душечкиной несколько переадресует и существенно дополняет

первые опыты исследовательницы новыми разделами и материалами. Главное достоинство монографии состоит прежде всего в том, что она создана в лучших традициях академической науки и представляет собой классическое историко-филологическое исследование памятника.² Несмотря на то, что издание обозначено как научно-популярное, его популярность заключается только в принципах избрания списков для публикации повести в Приложениях. В соответствии со своей задачей познакомить читателя-неофита собственно с предметом исследования, автор завершает книгу не критическим изданием текста,³ а публикацией двух его наиболее отличных друг от друга редакций по изданным ранее спискам (РНБ. Собр. Погодина. № 1617; ГИМ. Собр. Забелина. № 536). С той же целью — представить повесть широкому кругу читателей — в книгу помещены привлекательные картинки из весьма популярного в свое время «псевдолобучного» цикла В. И. Дунаева «Библиотека старорусских повестей».⁴

Монография Душечкиной включает в себя подробно изложенную историю изучения проблемы исследования (жанр бытовой повести переходного периода) и собственно объекта исследования («Повесть о Фроле Скобееве»); книга завершается исчерпывающей библиографией. Археографический раздел монографии

² Перспективность и востребованность таких изданий демонстрирует цикл монографических исследований памятников литературы Древней Руси и раннего Петровского времени, которые на протяжении десятилетий готовятся в Отделе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

³ Издание повести по известным к тому времени спискам было выполнено в 1934 году В. Ф. Покровской. См.: Покровская В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве: По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам // ТОДРЛ. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 249–297.

⁴ Оригинал издания с иллюстрациями Н. О. Фреймана см.: Дунаев В. И. История о российском дворянине Фроле Скобееве. М., 1916 (Библиотека старорусских повестей; вып. 4).

* Душечкина Е. В. Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятие в русской культуре. СПб.: Юолукка, 2018. 128 с., ил.

¹ Стилистика русской бытовой повести XVII века: Повесть о Фроле Скобееве. Учебный материал по древнерусской литературе. Таллинн, 1986; см. также: Повесть о Фроле Скобееве: литературный и историко-культурный аспекты изучения. Учебное пособие. СПб., 2011.

представляет обзор девяти сохранившихся списков повести и их характеристику, в специальных параграфах содержатся замечания по истории текста, предлагаются варианты решения вопроса о ее датировке и о среде, в которой она была создана, в этой связи особое внимание уделяется проблеме отражения в повести реалий русской повседневной жизни XVII века. Все эти разделы, традиционно присутствующие в работах о произведениях русской литературы, сохранившихся в рукописях, составляют малую толику исследования Душечкиной и позиционируются автором как историографическая часть, не претендующая на какие-либо новые самостоятельные выводы, например на полное восстановление истории текста. В то же время к текстологическим проблемам и вопросам о времени и месте создания произведения автор постоянно возвращается, характеризует стилистически неоднородные списки памятника или акцентируя внимание на тех или иных исторических реалиях и способах их отражения в повести. Эти краткие замечания по истории текста, высказанные автором как бы «между строк», весьма продуктивны и побуждают к размышлениям. Так, например, рассуждая о формировании в отдельных списках памятника пласта любовной лексики и об отступлении в них вследствие таких новаций от первоначальной сказовой стилистики повести, автор задается вопросом: «Не может ли стилистический анализ подобного рода вставок послужить основой для сопоставительной датировки этого произведения и его списков?» (с. 47). Вопрос вполне закономерный для традиции текстологического исследования памятников древнерусской литературы и литературы переходного периода, прежде всего для ряда переводных памятников, особенно поздних, в которых, как правило, работает аналогичная схема — чем дальше от текста оригинала, тем дальше от архетипа. Такими же ценными представляются замечания автора о соотношении в повести исторических реалий и типологии. Так, например, рассуждая об именах персонажей, их прототипах и о среде, в которой повесть могла быть создана, Душечкина предлагает вернуться к фигуре московского боярина, политика, дипломата Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащекина (с. 31–32; в повести отец Аннушки назван стольником Нардиным-Нащекиным). Личность этого государственного деятеля XVII века как прообраза одного из героев предлагалась исследователями и ранее, но гипотеза не получила поддержки из-за некоторых несоответствий реалий биографии прототипа и соответствующего ему героя (в частности, А. Л. Ордин-Нашекин никогда не был стольником). Автор монографии предлагает взглянуть на эту историческую личность с точки зрения типологии изображенных в повести персонажей и рисует исторический портрет представителя московской приказной верхушки, выскочки, едва ли не первого провинциального дворянина, пробившегося в ряды московской аристократии, лю-

бимца царя, который вполне мог быть прототипом одуряченного стольника в повести. Заметим, что обращение к этой фигуре не только позволяет еще раз вернуться к вопросу о создании (фактически письменной фиксации) текста в канцелярско-приказной среде, но и, возможно, прояснить природу появления в двух списках повести непонятной по контексту даты — 1680 год (в списках: РГБ. Собр. Ундольского. № 945 — как дата создания текста; РНБ. Собр. Титова. № 2461 — как дата, к которой отнесены описанные события). Не связано ли ее появление в истории о Фроле Скобееве именно с фигурой московского государева любимца, скончавшегося в 1680 году. Его персона для представителей всех уровней канцелярско-приказной среды, литературные традиции которой хорошо известны, была знакомой и значимой, а его кончина снимала определенное табу с имени. Так что типология и реальность вполне совместимы в этой личности и отображении ее в повести.

Все историографические и археографические разделы книги служат своего рода преамбулой к ее основной части, главному предмету научного интереса Душечкиной — исследованию жанрово-стилистических особенностей текста и его рецепции в русской культуре. Многоплановый анализ повести в контексте культуры XVII — раннего XVIII века позволяет автору не только отметить ее специфику и обособленность в ряду бытовых повестей переходного периода, но и поразмышлять об общих историко-культурных процессах этого времени, отразившихся в генезисе, стилистике и поэтике памятника. Душечкина убедительно демонстрирует связь происхождения повествования о судьбе нового для средневековой литературы героя с прозаическими жанрами русского фольклора (волшебной и бытовой сказкой) и объясняет закономерность этого культурного влияния процессом формирования новых литературных жанров взамен разрушающейся средневековой жанровой системы, процессом беллетризации повествования, для которого во многом оказались пригодными «готовые и застывшие жанры фольклора» (с. 43). Осознание и усвоение читателями и переписчиками устных источников, придание тексту в одном из списков (ГИМ. Собр. Забелина. № 536) поэтической формы говорного стиха дают основание автору типологически возводить повесть к «смехотворным» рассказам, аналогичным западноевропейским фавлю, и предполагать существование в русском средневековом городе подобных форм и практик словесного искусства (с. 64).

В монографию включена специальная глава, которая посвящена анализу поэтики повести в контексте святочного действия. Сейчас уже трудно поверить в то, что связь повести с традицией русских святок впервые была отмечена в работах А. М. Панченко и Душечкиной лишь в 80-е годы XX века, настолько эта связь кажется очевидной. Автор монографии анализирует святочные атрибуты в тексте повести и на широком литературном материале

демонстрирует развитие жанра святочного рассказа, у истоков которого находится «Повесть о Фроле Скобееве», в русской прозе XVIII–XX веков, в сочинениях классиков русской литературы от В. А. Жуковского и А. С. Пушкина до Н. С. Лескова и А. П. Чехова. Чрезвычайно важными и перспективными представляются новаторские разработки Душечкиной, касающиеся связи повести с традициями народной массовой книжной культуры, прежде всего, с культурой русского лубка. Проведенный автором анализ речевой ситуации, синтаксиса и особенностей словоупотребления в повести убедительно показывает единство ее стилистики с лубочными текстами — подписями к народным картинкам. Впрочем, эта тема, новая и совершенно неизученная, очерчена в работе, как отмечает автор, «лишь в самом общем плане, скорее, в плане постановки проблемы, чем решения ее» (с. 89).

Монографическое исследование «Повести о Фроле Скобееве» Душечкина завершает изложенными в двух главах материалами о восприятии, усвоении и трансформации текста в историко-литературном процессе последующих столетий и о рецепции сюжета во всех его видах в русском обществе XVIII–XXI веков. Одна глава посвящена переработке повести под названием «Новгородских девушек святочного вечера», созданной в 1784 году малоизвестным писателем И. В. Новиковым,⁵ выходящем из той же казенно-канцелярской среды, которой принадлежал герой повести — Фрол Скобеев и, возможно, ее создатель. Отказавшись от художественных особенностей оригинала, автор переделки модернизировал стиль повести в духе массовой печатной беллетристики второй половины XVIII века. Издание текста в 1785 году в составе сборника «Похождение Ивана гостинного сына» И. В. Новиков осуществил за свой счет, но тираж, не выкупленный автором у типографии из-за недостающих средств, был задержан; издание стало библиографической редкостью уже в начале XIX века. По этой ли причине или по причине литературных «достоинств» сочинения, оно никак не запечатлелось в историко-литературном процессе последующего времени, тогда как первая публикация самой повести в 1853 году вызвала немедленный отклик у читателей.

Судьбе «Повести о Фроле Скобееве» в новейшую эпоху посвящена отдельная глава, выписанная Душечкиной с особой любовью, с привлечением массы разнообразных подробностей, с умением совместить, казалось бы, несовместимое и найти историко-культурный подтекст в самых, на первый взгляд, неприметных вещах. Все эти принципы и приемы знакомы исследователям и читателям самого широкого круга и по другим работам Душечкиной, которые уже стали классикой историко-культурного анализа текста в контексте опреде-

ленной эпохи.⁶ Восторженные отзывы о повести И. С. Тургенева в письмах С. Т. Аксакову и П. В. Анненкову, как показывает исследовательница, обозначают лишь начало интереса русского общества нового времени к этому памятнику, получившему в дальнейшем несколько сценических воплощений. В 1868 году на волне всеобщего увлечения исторической драматургией комедию на сюжет «Повести о Фроле Скобееве» пишет Д. В. Аверкиев. Душечкина подробно анализирует это произведение, приводит отклики на текст комедии Ф. М. Достоевского и на ее постановку М. Е. Салтыкова-Щедрина и прослеживает все перипетии театральной жизни этой пьесы от первой постановки до спектаклей начала XXI века. Подробный очерк автора посвящен истории обращения к сюжету «Повести о Фроле Скобееве» известного советского композитора Т. Н. Хренникова. Впервые он приступил к написанию комической оперы «Фрол Скобеев» в 1947 году, уже будучи очень популярным и признанным обществом композитором, автором патристических песен и музыки к любимым советским народом фильмам И. А. Пырева («Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны»). Душечкина детально описывает все обстоятельства появления оперы, которая первоначально была запрещена как «несвоевременная и чуждая народу», на советской сцене в феврале 1950 года, рассказывает о создании Хренниковым в 1966 году второй редакции оперы под названием «Безродный зять», представляет скрупулезно собранные материалы о театральном и эстрадном бытии этих сочинений известного композитора, сохранившихся в репертуарах столичных и провинциальных театров до наших дней. Завершается исследование о судьбе повести в новейшую эпоху примерами обращения к тексту в самых, казалось бы, невероятных кругах современной книжно-литературной среды — появлением героя повести в рассказе писателя-фантаста Евгения Лукина «Там, за Ахероном» (1995) и цитированием ее в мужском журнале «Men's Health» (2007) как первого русского литературного произведения, в котором упоминается секс. Таким образом, повесть в монографии Душечкиной получила всестороннее представление на самом разном и хронологически протяженном материале. Этот многообразный и многоплановый обзор русской культуры, по словам автора, «способствует не только более глубокому проникновению в закономерности русского литературного и культурного процессов, но и позволяет выявить особенности восприятия литературного произведения в различные исторические эпохи».

В заключение еще раз обратим внимание на строгую академическую монографичность исследования Душечкиной. Фигура самого

⁵ Рак В. Д. Новиков Иван Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: К–П. С. 359–361.

⁶ См.: Душечкина Е. В. 1) Русская ёлка: История, мифология, литература. СПб., 2002; 2) Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007.

героя и судьба повествования о нем весьма необычны и любопытны, а потому книга, обозначенная как научно-популярное издание, несомненно, будет интересна самому широкому кругу читателей. И все же по своей цельности, скрупулезности, широте охваченного

материала и стилю изложения книга прежде всего адресована любимой автором учебной аудитории и представляет собой очень добротный и практичный образец для будущих исследователей в освоении ими ремесла филологической науки.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-229-233

© А. Г. Гродецкая

И. С. ТУРГЕНЕВ В ЦЕНТРЕ ПОЛЕМИК*

Среди богатой тургенианы юбилейного 2018 года монография Галины Михайловны Ребель «Тургенев в русской культуре» заслуживает специального внимания по многим причинам. Профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Г. М. Ребель посвятила десятки научных работ творческой эволюции Тургенева в идейно-философском и эстетическом диалоге с современниками, поэтике его больших и малых прозаических форм.¹ Обобщающим итогом этой работы и стала юбилейная монография. Ее отличает яркий исследовательский пафос, редкая в наши дни эмоциональность, формирующая необычный, живой и вдохновенный стиль при аналитической глубине, широте историко-культурного диапазона и мастерстве анализа конкретных текстов. Скажем больше, в пафосе, полемике, лирике авторское повествование всегда созвучно цитируемому тургеньевскому тексту, который служит для него камертоном, тонко и точно словесно и эмоционально его оркеструющим.

Свою главную задачу Ребель видит в раскрытии личностного масштаба и уникального значения Тургенева как центральной, системообразующей фигуры в русской культуре второй половины XIX века. Предисловие «Гений меры» открывается цитатой из Д. С. Мережковского: «В России, в стране всяческого, революционного и религиозного, максимализма, стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не единственный, после Пушкина, *гений меры* и, следовательно, гений культуры. Ибо что такое культура, как не *измерение*, накопление и со-

хранение ценностей?»² Ребель продолжает: «Разносторонняя и при этом глубокая образованность, уникальный художественный дар, масштабность личности, интеллектуальная мощь и интеллектуальная свобода, социальная интуиция, просветительская энергия при содействии судьбы, в которой неразрывно сплелись Россия и Западная Европа, — все это обеспечило Тургеневу особое — срединное, стержневое — место в русской культуре». Его художественная стратегия состояла в «*наведении мостов*», в «установлении глубинных существенных связей между разнородными и даже антагонистическими явлениями и смыслами, воссоздание их без нарочитых перекосов и тенденциозных акцентов» (с. 4, 7). При этом эталонности, классичности и «мерности» тургеньевской прозы неизменно сопутствовал «раздражительный» фактор: для многих современников, прежде всего «гениев безмерности» Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, он был непримиримым оппонентом.

По убеждению автора монографии, Тургенев остался поверхностно прочитанным и недооцененным, и полемический пафос ее исследования заложен уже в этом утверждении. Однако так ли это? Признаем, что новизна предложенных в монографии интерпретаций относительна, литература о Тургеневе чрезвычайно богата (и далеко не вся учтена в монографии), материал, на котором выстраиваются авторские интерпретации, собственно текстовой, документально-мемуарный и эпистолярный, известен и глубоко изучен,³ и сами интерпретации, неизменно полемически акцентированные, подчас приобретают характер

* Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.

¹ В первую очередь см.: Ребель Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). Пермь, 2007. В основу этой монографии легла докторская диссертация под тем же названием, защищенная в 2007 году.

² Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 475.

³ Нельзя не отметить с сожалением, что при цитировании текстов Тургенева и при ссылках на примечания к ним автор монографии использует первое академическое Полное собрание сочинений и писем в 28 томах, издававшееся в 1961–1968 годах, тогда как в настоящее время близится к завершению второе издание (начато в 1978 году).